

Чэн Е ушел на занятия еще засветло, так как у него были первые две пары. Остальные же, у кого занятия начинались с третьей пары, нехотя вылезали из кроватей лишь после третьего сигнала будильника.

Возможно, благодаря таблеткам Ли Цинъюй наконец удалось поспать целых пять часов. Однако этого было недостаточно: накопившаяся за неделю усталость давала о себе знать, и он чувствовал себя еще более разбитым.

В их общежитии был общий санузел, и там постоянно кто-то сновал туда-сюда, а звук льющейся воды не смолкал ни на минуту.

Гу Линь, держа в руках тазик, подошел к Ли Цинъюю и, заметив его темные круги под глазами, спросил:

— Перышко, ты что, опять не выспался?

Он пнул стоявшего рядом Сюй Вэйжана:

— Эй, ты, потише играй в свои игры по ночам, нашему Перышку отдохнуть не даешь.

Сюй Вэйжань возмущенно отозвался:

— Да какого черта! При чем тут я? Когда я ложился, у Перышка свет еще горел.

Ли Цинъюй покачал головой:

— Все в порядке.

Голос его звучал вяло, а красные прожилки в глазах были видны невооруженным глазом.

Сюй Вэйжань выжал полотенце и бросил его в тазик:

— Слушай, ну это уже перебор. Соревнования соревнованиями, но спать-то надо. Только когда выспишься, будут силы рисовать.

К ним придвинулся еще один сосед по комнате, Ши Яньпин:

— Точно, Перышко. У меня тут одна первокурсница мед принесла, я тебе отсыплю, попьешь перед сном, помогает.

— Ого, какая еще первокурсница? Та самая с вечеринки в честь посвящения? Не верю, врешь ты все!

— Староста, обманывать нехорошо, — подначили остальные.

Парни в этом возрасте полны гормонов, и романтика для них — вечная тема для шуток.

Началась обычная возня.

Неизвестно, из-за чего это было — из-за процесса вторичного пола или симбиоза, но, несмотря на упадок сил, чувства Ли Цинъюя обострились до предела. Шум воды и громкий смех однокурсников раздражали его невероятно. Он остро реагировал на тепло, исходящее от окружающих, и даже на случайные прикосновения, когда кто-то проходил мимо.

Он съежился, стараясь подавить внутреннее беспокойство. Умывшись, он схватил свой тазик и поспешил выбраться из этого шумного места.

Не успел он отойти и на два шага, как услышал за спиной чей-то громкий голос:

— Кто тут с утра торт ел? От кого так пахнет сливками? Приятный запах.

Ли Цинъюй, услышав это, ускорил шаг. Вернувшись в комнату, он забрался на кровать, задернул шторы и, достав из-под подушки спрей-ингибитор, сделал несколько пшиков. На всякий случай он выпил еще одну таблетку, чтобы подавить запах феромонов.

Убедившись, что запах полностью исчез, он пришел в себя. Ли Цинъюй прекрасно понимал, что так продолжаться не может. На их этаже было много альф, да и в самой комнате жили двое, особенно Чэн Е, который вечно лез обниматься. Даже при его толстокожести, рано или поздно он что-то заподозрит.

Ли Цинъюй сжал простыню. Похоже, придется съезжать.

В мастерской было тихо, лишь изредка слышны были шаги. Ли Цинъюй сидел в самом углу у окна — это было его излюбленное место, где никто не мешал ему рисовать. Все были погружены в работу и не обращали на него внимания.

После вчерашней таблетки симптомы, похожие на течку, немного отступили, и ему даже удалось поспать пять часов. По сравнению с бессонными ночами это был огромный прогресс. Что же касается психического состояния, то, если удастся пережить этот период и скрыть свою сущность омеги... если хватит сил и терпения, все наладится. И симбиоз, и гормональный сбой — все это можно решить.

Так он пытался себя успокоить.

После обеда преподаватель задал тему. Задание было простым, на пару часов. Остальные студенты один за другим сдавали работы и уходили, Ли Цинъюй остался последним. Он был любимым учеником Гуань Яна.

Гуань Ян подошел к мольберту, нахмурился и долго переводил взгляд с картины на Ли Цинъюя, словно не веря, что это нарисовал он. Лицо преподавателя помрачнело, брови сошлись на переносице, и он сурово произвел:

— Цинъюй!

Ли Цинъюй и сам знал, что рисует отвратительно. Усталость и постоянная раздражительность, словно цепи, сковывали его. Голова была тяжелой, даже держать кисть стало трудно.

В голосе Гуань Яна слышался гнев:

— Что происходит? Ты проболел неделю и разучился рисовать? Посмотри на то, что ты выдал за последние два дня! Ты думаешь, с таким уровнем можно претендовать на золотую медаль? Так ты даже региональный отбор не пройдешь!

Слова были резкими, но Ли Цинъюй знал, что учитель желает ему только добра и просто разочарован его слабостью. Однако состояние психики действительно влияло на технику. Опустив голову, он прошептал:

— Простите, учитель Гуань.

Гуань Ян потер переносицу, глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. Наконец, сменив тон на более мягкий, он сказал:

— Цинъюй, ты — мой лучший ученик. У тебя есть все данные, чтобы взять золото, понимаешь?

— Понимаю.

Гуань Ян помедлил, а затем осторожно спросил:

— Цинъюй, ты случайно... не влюбился?

Иногда студенты теряют голову от любви. Ли Цинъюй покачал головой.

Гуань Ян удивился:

— Если не влюбился, почему такой вид? Ты точно выздоровел? Посмотри на свои круги под глазами, на панду стал похож. Так дело не пойдет. Вот что, два дня не приходи, отлежись в общежитии, забудь пока про соревнования, приди в себя.

Гуань Ян знал, что у Ли Цинъюя всегда были проблемы со сном. После развода родителей он привык постоянно размышлять по ночам, из-за чего сон стал чутким. Раньше, во время подготовки к конкурсам, он жил в мастерской, сбивал режим, но всегда старался добрать свое днем. Но такого, как сейчас, не было никогда.

Гуань Ян вздохнул:

— С этим надо что-то делать. Запиши номер — это моя знакомая по старшей школе, Бай Фань, сейчас работает в первой дочерней больнице. Если нужно, сходи к ней на прием.

Ли Цинъюй послушно записал номер:

— Спасибо, учитель.

Когда Ли Цинъюй вернулся, в комнате был только Гу Линь, читавший книгу. Увидев его так рано, он удивился:

— Сегодня ты рано.

Раньше Ли Цинъюй до самого отбоя не покидал мастерскую.

Ли Цинъюй кивнул и, опустив голову, стал собирать вещи, решив воспользоваться тем, что в душевой сейчас мало людей. Из-за своего нового статуса он больше не мог, как раньше, беззаботно мыться в общей комнате с открытой дверью.

Он замер на пару секунд, выбирая между гелем с ароматом молока и ванили, как вдруг почувствовал, что кто-то подошел совсем близко. Ли Цинъюй вздрогнул, инстинктивно прикрыл ладонью шею и оглянулся.

Гу Линь стоял прямо за его спиной, глядя на прикрытую шею:

— Мне показалось, я что-то почувствовал.

Ли Цинъюй застыл. Гу Линь посмотрел на флакон с молочным гелем у него в руках и задумчиво добавил:

— Хотя, может, показалось.

Ли Цинъюй поспешно засунул флакон в корзинку и коротко ответил:

— Мгм.

Ощущение неловкости заставило его хотеть поскорее сбежать. Уже на выходе он услышал, как Гу Линь добавил, то ли невзначай, то ли намеренно:

— В западном крыле открыли новую душевую, там есть кабинки.

Ли Цинъюй, услышав это, свернул в левую сторону.

Когда он вернулся после душа и стоял на балконе, суша волосы, дверь с грохотом распахнулась. Чэн Е и Сюй Вэйжань вернулись с баскетбольной площадки.

Чэн Е был высокого роста, с крепким, но не чрезмерно накачанным телом — результат постоянных тренировок. Красивое лицо обеспечило ему звание главного красавчика университета А на три года подряд. Он был солнечным, общительным парнем, и хотя порой вспыльчивым, это не мешало его популярности. Будучи талантливым альфой, он пользовался огромным успехом у омег.

В комнате было тепло. Чэн Е скинул куртку и, приняв душ, спросил Гу Линя:

— У нас что, омега был?

Гу Линь захлопнул книгу и выругался:

— Ты за кого меня принимаешь?

— Это Перышко мылся, — отозвался кто-то.

Ли Цинъюй как раз вошел с балкона. Волосы после сушки стали пушистыми, челка выглядела свежо. Он был очень худым, и в широком вырезе футболки проглядывали изящные ключицы. Ветер с балкона приподнял подол, на миг обнажив полоску бледной кожи на пояснице. Он стоял против света, и зрелище было таким завораживающим, что глаз было не отвести.

Даже те, кто не был чувствителен к феромонам, замерли от неожиданности.

— Черт! Почему мне кажется, что Перышко стал еще красивее?

— Мы все беты, но одни рождаются в Риме, а я — как рабочая лошадь!

— Я грешен, я испытываю вожделение к собственному брату! Аминь!

Чэн Е решительно шагнул вперед, заслонив Ли Цинъюя, словно цепной пес, охраняющий кость:

— А ну брысь, нечего пялиться! Что вы там в бетах не видели?

Ли Цинъюй едва заметно вздрогнул. Он опустил глаза, скрывая свои чувства.

Да, что интересного в обычном бете?

Все равно он никогда не привлечет внимания Чэн Е.